

прощание с прошлым

М. Литературная газета, 15/IV 32 г.
 Мы печатаем первую главу из последней статьи романа роллана «прощание с прошлым». она характеризует один из наиболее знаменательных этапов в жизни писателя.— после сложной внутренней драмы, пережитой в годы империалистической войны, и долгих мучительных поисков, автор «жан-крестофа», прощаясь с прошлым, порывая со старыми навыками буржуазной интеллигенции, без колебаний поворачивает спиной к СССР, приветствуя в лице советского пролетариата строителей новой жизни.— теперь—говорит он в заключительных страницах «прощания с прошлым»,— я нашел свой путь, он быть может еще не окончен, но стрелка компаса показывает на север, на цель, к которой устремляется авангард европы и которая является эгом социального и морального перерождения всего человечества».

Я должен был недавно перечитать обе серии моих статей, написанных между 1914 и 1919 гг., изданных под двумя различными заглавиями: «Над схваткой», «Предтечи», несмотря на то, что в них одна и та же последовательность действительных мыслей, которые своей действительностью вызвали в свое время немало страстей. Я пробежал также свой «Дневник того времени, тридцать незавершенных его тетрадей, которые содержат в себе много материалов и размышлений, могущих послужить пояснением для этих статей и дать ключ к душевной драме. Я закончил чтение и чувствую себя теперь, точно после долгого и трудного путешествия, не кончившегося с войной и все еще продолжающегося вот уже семнадцать лет.

Об этом, конечно, даже и не догадываются те, кто, потеряв мой след в 1914 году, считают, что догнали меня, достигнув через семнадцать лет той точки, которая для меня была отправной, когда в сентябре 1914 г. я писал «Над схваткой». Нет! То было лишь начало пути, который не знает отдыха и который я усеял вырванными с корнем предрассудками, обоблаченными иллюзиями, сметенными дружбами... А цели я не достиг! Когда дойдешь до нее, то наверно будешь наг, как подобает тому, кто готов лечь в землю.

Когда-нибудь, если время позволит, я расскажу обо всем этом пути, занявшем годы 1914—1931. Это будет исповедью, в которой найдет свое отражение целое поколение одного из классов Запада, уже обреченного на гибель, — той правящей буржуазии, идеологию которой мы помогли уничтожить, чтобы освободить место для мощных ростков новой жизни. А теперь я ограничусь очерком эволюции мысли за четыре года войны. «Начать — это полдела сделать», — говорит пословица. Какими бы робкими ни показались впоследствии первые шаги, они предрешали все последующее. Жребий брошен... Иди! Теперь уж остановиться нельзя...

Человек, отправившийся в путь в первый числа августа 1914 г., не мог предвидеть, с чем ему придется расстаться, что он найдет, какие он оставит за собой горизонты, какие откроет... Путник пришел издалека... Он вышел из той родной французской буржуазии, из той старинной французской провинции, которая воспитывалась в двойном религиозном преклонении перед родной и революцией (перед одной только революцией — 1789 года! Французская буржуазия и знать не хочет старых, бывших революций, отрицает и последующие. Так как революция 89 года — ее революция — дала французской буржуазии достигнуть вершины своей судьбы, то она считала, что судьбы исполнились: революция порабощена...).

Одна из этих двух религий, сочетавшихся под звуки Марсельезы и грохот пушек у Вальми, — Родина только что освежила свои слабеющие силы в кровавой баше 1870 года. Ее алтарем служила укутанная трауром статуя Страсбурга на площади Согласия. В ее честь сложили особые алтари и немедленно тянули нарциссов слово «Реванш». Другая — Республика — со времен президента Герви и злата его Вильсона — жила в собственном доме, как зажиточная ран-

тье-барша, украшенная орденами. (Она даже стала спекулировать этими орденами). То был официальный культ, плотоуловившийся в государственное кресло и получивший свое освещение в 1889 году, в апофеозе праздника Бастилии, которую за это лет до этого взяла крупная буржуазия и которую она вновь воздвигла в виде несогораемого шкафа. В храме Республики всегда царил созвучный путаница. И со вчерашнего ли только дня? Об этом следует напомнить: когда поднялся нож Термидора, Революцию 89 года обжулили пагубные авантюристы, подготовившие Директорию и Наполеона. И это продолжалось и дальше с одинаковой последовательностью, методически и торжественно детьми, внуками и правнуками жирондистов и якобинцев, примирившихся друг с другом на денежных мешках и имениях тех, кого они гильотинировали, имениях, которые стали именоваться «национальными имуществами». Разжирев, они добросовестно уничтожили «тощих» Коммуны и продали душу Панаме... Понятно, что гражданский катехизис, преподаваемый в епархии подобных викариатов, приятно шекотал нос и господина

Лояльню-Мыслящего ² и его почтенного учителя — Тартюфа!..

Только начинающий преподаватель, я те «панамские» годы принужден был по своей службе внушать светскую мораль по такой программе, но больше года не выдержал. А сколько поколений принудительно глотали эти ложные принципы! По всем стенам красовались лживые идеи в виде тройного девиза из роковых слов «Свобода, Равенство и Братство»... И все же, и все же!.. Сколько простых людей наивно и чистосердечно этому верили. Они родились под счастливой звездой, так как им не пришлось подвергнуть рискованному испытанию своих «добрых богов». Обычная участь средней буржуазии — пока кругом спокойно, жить себе потихоньку, скромненько, честно, за работой, за плотно законопаченными стенами, не заглядывая вдаль, без толчков и всяких потрясений...
 Толчок раздался, хотя никто его не предсказывал. То было внезапное потрясение дела Дрейфуса. Как тигры, бросились друг на друга два сочетавшиеся идола: Родина, Революция. Официальные маски были сорваны, и на минуту явились подлинными лики Справедливости, Свободы, а также лики Силы, обеих Сил: Революции и Армии, — насилие со всех сторон. Для непривычного народа ветер Правды очень опасен. Несколько месяцев бредила Франция под налетевшим шквалом, и все, казалось, затрещало, кое-что и совсем не оправился от этого потрясения. Примирить столкнувшиеся в поединке верования уже не удавалось: а без них обоих обойтись было нельзя. Но так как сил не хватало погрузиться в проблему до дна, то по открытому, безмолвному соглашению кризис ликвидировали. Без дальних слов сторговались между собой оба враждовавшие, но равно поддельные кумиры, чувствовал потребность найти друг в друге взаимную опору. И, истощив свои силы, они вновь улеглись на перину идейных компромиссов. Компромиссы отечества, справедливости, свободы и цивилизации, под флагом который прятались проделки политического владыки — капитала, предательство тайных

договоров, распоразжавшихся народами, бесстыдный грабег всей остальной земли, утинаяемый великими державами.

Около 1900 года мы восстали против этого компромисса — горсточка молодежи, и я в том числе, вместе с Пегги. Опьяненность чистотой, стоической, бескорыстной правдой жгла белым своим пламенем часть лучших людей Франции, носивших на себе печать Бетховена и «Воскресенья». Бесстрашно приглашала «Двухнедельник» (Cahiers de la Quinzaine) битти в атаку против «лижи политиканов и преступлений цивилизации». Но прежде чем нам зрело сделать выбор между одной из великих идей: Родина, Человечество, которыми мы были полны, или сочетать их вместе, мы хотели мстить за профанацию, изгнать торговцев из храма и сделать чистым культ двух богинь-матерей, казавшихся нам сестрами. Изво всей силы трубили Жан-Кристоф и Пегги о мистике действия, о героической религии жизни, которая дала человеку, о всецелом самопожертвовании ради веры в нее — какою бы она ни была.

Один из тех, кто испил от этих источников, один из немногих, кто, приобретявшись к ним, от них не отрекся, Жан-Ришар Блок, рассказывает в последней своей книге «Судьба Бека» — Destin du Siècle (1931 г.):

«Вся наша молодежь прошла под знаком того слова, которое стало нашим лозунгом, нашим оправданием, нашим лозунгом: служить... Он господствует над всей духовной жизнью Толстого... Вместе с мистикой дрейфусовских годов Пегги и Жан-Кристоф усиленно воздвигали вокруг нас крепость человеческих обязательств и нравственного долга... Идеалом нашим было добровольное служение. Самым тяжким последствием этого урока оказалось то, что он помог нам стать в 1914 году подлунными поданными ⁴.

Жан-Ришар Блок, который далее добавляет, что «почти один я избежал этой чрезмерной покорности, потому что, будучи более толстовцем, я обрел на другом берегу служения пылающую освобожденность и уединение религиозного сознания» ⁵, может себе представить, с каким напряженным волнением я смотрел, как в августе — сентябре 1914 года мои друзья, мои младшие братья принудили в ту причину, которую Кристофу удалось переплыть... А разве они не шли по его следам?

Да, шли! У него только времени не хватало, чтобы их перевести на другой берег... Вот какое письмо, полное благодарности, написала мне 25 августа 1914 года мать одного из них, мать прекрасного юноши 22—23 лет, доброго, милого, великодушного, который был убит при одной из самых первых схваток в Лотарингии:

«Немецкая пуля только что убила нашего единственного сына. Перед своим уходом он несколько раз выражал желание написать вам. Я не знаю, успел ли он сделать это в последнюю минуту, и в сомнении, сама сообщая вам, что переживал он и многие из его друзей, которые, может быть, также убиты. Вся эта прекрасная молодежь обрела в ваших книгах ту силу, тот героизм, которые убиваются слишком развитым критическим духом нынешнего воспитания. Ваши произведения создали из них на-

1

394

С.М.С.Л.